

© 1995 г., ЭО, № 5

Н. П. Лобачева

ОГНИ САФАРА В ХОРЕЗМЕ

(о забытых праздниках)

Ученый-энциклопедист Средней Азии Абу Рейхан аль-Бируни, живший на рубеже X—XI вв., оставил потомству разнообразные сведения о своей родине и ближайших странах. Есть в его труде «Памятники минувших поколений» и главы о праздниках народов Средней Азии — хорезмийцев и согдийцев — ираноязычного населения древнеземледельческих цивилизаций этого региона, предков современных таджиков и той части узбеков, которая издавна вела оседлый образ жизни и не знает родовых делений, а также родственного им народа персов.

Главы, посвященные праздникам хорезмийцев и согдийцев, немногословны, однако содержат длинный их перечень. Бируни указывает на праздничное событие не только в его время, но и в домусульманское, скорее всего, время правления в Иране династии Сасанидов, о чем свидетельствуют упоминания ряда царей этой династии при описании праздников персов. Тем более, что при этой династии неоднократно реформировался календарь¹. Праздники персов имели много общего с праздниками хорезмийцев и согдийцев, но были описаны Бируни — в противоположность среднеазиатским — достаточно подробно. Общность, определяемая этнокультурным родством этих народов, а также религиозно-политической ситуацией того времени, дает нам право пользоваться сведениями этого автора при рассмотрении праздников у народов Средней Азии (ныне чаще именуемой Центральной Азией)².

В Средней Азии XIX и особенно XX в. такого обилия праздничных дат не отмечается. Современное население всегда называет три больших праздника. Два из них мусульманские *Курбан-хаит* (праздник жертвы) и *Рамазан-хаит* (праздник окончания уразы — мусульманского поста), имеющие подвижной режим в соответствии с лунным календарем. Третий большой праздник — весенний праздник Нового года, в большинстве районов известный как *Ноуруз байрам*, отмечающийся в противоположность исламским всегда в одно время — в день весеннего равноденствия по солнечному календарю. Эти три праздника, видимо, глубоко традиционны для мусульманского мира передне-среднеазиатского региона, поскольку уже в средневековом Багдаде главными считались два канонических праздника: праздник жертвоприношения и праздник окончания месяца поста наряду с персидским Новым годом².

Праздник Нового года в целом у земледельческого населения (хотя его отмечали и скотоводческие народы³), будучи всенародным и даже официальным не только в Иране, но и в Средней Азии, является праздником возрождения природы. Он не утратил своего значения и в мусульманскую эпоху. Попытка ислама на первых порах искоренить прежние народные праздники, основанные на древних верованиях и связанные с земледельческими работами, не увенчалась успехом⁴. Известно, что мусульмане разных стран продолжали отмечать, как свидетельствует А. Мец, даже праздники языческих и христианских праотцов⁵. Такие

¹ Автор пользуется прежним названием региона, поскольку речь идет о событиях XIX — первой половины XX в. и более раннего времени (Н. Л.).

праздники, особенно их весенний цикл, ядро которого составляет Ноуруз, дожили до наших дней. Ноуруз, пройдя колебания в сроках проведения (весна, лето), стал государственным праздником сасанидского Ирана и, видимо, Средней Азии еще в период господства зороастризма. Он стал официальным и всенародным и с принятием ислама (как в Иране, так и в Средней Азии), сохранив весеннюю традицию празднования и при этом несколько мусульманизировавшись.

В XIX—XX вв. в Средней Азии существовали еще и местные праздники с относительно узкой локализацией, входившие в прошлом в цикл земледельческой обрядности. Это праздник тюльпана «Лола» в Фергане, красного мака в районе Самарканда и праздники других, еще более ранних цветов, например, «бойчек», распространенные среди таджикского и узбекского населения отдельных районов⁶. Известен женский праздник, сопровождающийся приготовлением ритуального блюда *сумдьяк*, которое в Таджикистане приурочивалось к Ноурузу; в некоторых же районах Узбекистана, в том числе в Хорезме, не обязательно совпадало с праздником Нового года, но осуществлялось в весеннюю пору с появлением первой зелени⁷. Во всех этих локальных праздниках просматриваются связи с культом природы, с земледельческими календарными циклами, утратившими к настоящему времени свою целостность. Но без сомнения, локальные праздники являются осколками этих циклов⁸.

Таким осколком аграрных праздников нам представляется и обычай жечь костры на перекрестках дорог в мусульманский месяц Сафар (второй месяц лунного года), отмеченный в ряде местностей Средней Азии. В XIX—XX вв. он был зафиксирован и описан в Горном Таджикистане (бассейн реки Хингоу, Южный Дарваз, Каратегин, бассейн рек Ях-су, Кизил-су) и других районах расселения таджиков: таджикских кишлаках Ферганы, в Бухаре, Самарканде. Он также широко известен туркменам, а за пределами Средней Азии — персам, азербайджанцам. Описания его (за исключением области Горного Таджикистана) все-таки кратки. Материал, имеющийся в нашем распоряжении, значительно расширяет ареал распространения указанного обычая в Средней Азии. Он говорит о бытовании его среди узбекского населения Хорезма, заполняя лакуну в сведениях, относящихся к узбекам. Других конкретных материалов по этому вопросу (относительно узбеков) нам не известно. Распространение среди таджиков, например, Ферганы, тюркского наименования этого явления в форме «сафар-качты» (сафар убежал) или «сафар-чикты» (сафар прошел) свидетельствует, что оно известно и узбекам.

В основу статьи положены полевые записи, собранные в 40—50-е годы XX в. в Хорезмской обл. Узбекистана и в ряде районов Каракалпакии (территория древнехорезмийской цивилизации). Сведения по Хорезмской обл. получены в городах Хиве и Хазараспе, в Каракалпакии — в городах Шаббазе (Бируни), Турткуле, Кунграде и их сельской округе⁹. Эти материалы публикуются впервые, хотя об обычаях жечь костры в последнюю среду месяца Сафара в Хорезме кратко говорится в работах Г. П. Снесарева и К. Л. Задыхиной, упоминается в статье автора о праздничном календаре земледельцев Средней Азии¹⁰.

Записи об этом обычае сделаны в северных, центральных и южных районах Хорезмского оазиса, т. е. в середине XX в. он имел место на всей его территории, несмотря на некоторые отличия в происхождении и культуре узбекского населения его северных и южных районов (что в какой-то степени сказалось и на рассматриваемом обычае). По нашим сведениям, в месяц Сафар (местное произношение Сапар) мусульманского лунного года 1, 15 и 30-го числа (Кунградский р-н, 1946 г.) либо в середине и конце месяца, но чаще в последнюю среду (Шаббаз, Турткуль, Хива, 1947 г.; Хазарасп, 1956 г.) подальше от селений — на больших дорогах или на их перекрестках — парни и девушки жгли костры. В этом могли участвовать и старики: они-то и напоминали о необходимости зажигать огни. Костры жгли из камыша, кустарника. Через них прыгали обычно 1 раз, хотя желающие могли прыгнуть и 2—3 раза. Над кострами разбивали принесенную с собой старую посуду, черепки ее бросали в огонь. Затем убегали домой, оставляя

костер догорать. В последнюю среду Сапара убивали собак (в Хиве, по сведениям М. В. Сазоновой, только рыжих). По сообщению той же исследовательницы¹¹ в Хиве в это время запускались бумажные змеи. Все действие сопровождалось шумом и трескотней специально изготовленных трещоток. По словам информаторов, молодежь ходила жечь костры как на игры. Тем не менее сообщалось, что прыгают через них для того, чтобы избежать вредоносной силы месяца Сапара. От Кунграда до Хазараспа месяц Сапар в народе считался самым тяжелым в году: В связи с этим в начале месяца некоторые жители резали барана, другие пекли ритуальное печенье — *баурсак*. Среди населения распространено мнение, что в этот месяц происходит тысяча несчастий на земле и одно на небе, в другие месяцы — наоборот, а поэтому отправляться в путь или выступать в поход опасно. В этом месяце прекращались войны и даже туркмены приостанавливали свои набеги. Женить в месяц Сапар нельзя. Если рождался ребенок, то опасались, как бы он не был кривым, слепым и т. п. Для охраны его здоровья собирали стариков и устраивали *садака* (угощение — общественное жертвоприношение, милостыня), приглашали муллу читать Коран. По другим поводам также собирались группами для садака. Бола-той (праздество по случаю рождения сына) и бешик-той (праздник положения в колыбель) устраивали, как обычно, но новорожденным давали имена Сапарнияз, Сапарголь, Сапарбай и т. п., «чтобы Сапар не тронул».

Несчастья в месяц Сапар, как считают, ниспосылает сам Бог, а не злые силы. Пословица «Сапар айнинг беаясининг сакла» («Храни нас от несчастия месяца Сапара») звучит в устах странствующих нищенствующих мистиков — каляндаров. По мнению населения Кунградского р-на, в месяц Сапар воют собаки, так как видят несчастье, нисходящее с неба («бела османдан нарсе олайды»), что недоступно человеку. Когда собака воет, то просит, чтобы несчастье постигло ее, а не лошадей, корову или иной скот, имеющийся во дворе, и не хозяев. Отсюда пословица: «Ит уласа урмангыс ультерменгис хатыренгисге ич нарсе кельтерменгис» («Когда собака воет, не бейте и не убивайте и ни о чем не думайте — воет в пользу»). Население Кунградского р-на уточняет, что это касается собак, охраняющих дом, — *копек* (охотничья собака о доме не заботится). В других районах, как упоминалось, имели распространение иные представления относительно собак (их гоняли и убивали).

По сведениям из Хазараспа в Сапар-ай смотрят на луну. Если она полная, то это хорошее предзнаменование, несчастий не будет. Если же луна неполная — это плохо, люди будут болеть, умирать. Вот в таких случаях по *элату* (община) собирают деньги, рис, джугару и другие продукты (кто что может дать), варят плов и всех им угощают. Это называется *дервиш-она*.

Надо отметить, что в Кунградском р-не были получены сведения, что обычай зажигания костров связан с месяцем Шабан (восьмой месяц года), в местном обиходе — Шамрад. Через костры население кишлаков прыгало для очищения от грехов: в 40-х годах — только подростки, взрослые в этом не участвовали, а старики даже протестовали против этого обычая, считая его остатком огнепоклонничества. Причем в тех местах, где это происходило в месяц Шамрад, не знали такого обычая в месяц Сапар и наоборот. (К сожалению, не записано, от кого в этническом плане получены такие сведения.) В Хорезме нами не зафиксировано также и специфического названия этого обычая, но в работах Г. П. Снесарева и К. Л. Задыхиной оно имеется — это *охир чоршамба*, *ахыр чаршанбе* (последняя среда)¹².

Действия и представления, связанные с последней средой Сапара, среди узбекского населения Хорезма почти во всем совпадают с таковыми в Горном Таджикистане. События этого дня в бассейне р. Хингоу, Южном Дарвазе, Каратегине и бассейне рек Ях-су, Кизил-су подробно описывает М. Р. Рахимов¹³, отметивший ряд особенностей и подробностей обычая, которых мы не знаем по

* Узбекские и таджикские выражения и термины даны в статье в русской транскрипции.

Хорезму. Последнюю среду Сафара здесь называли «Чоршамбеи охирун» (последняя среда) так же, как и в Хорезме, или «Аловпарак» (перепрыгивание через огонь).

Вечером, перед заходом солнца, в этот день в каждом квартале на улицах, на их перекрестках разжигали костры, дабы все бедствия, несчастья, а также злые духи легко находили себе дорогу и убегали из селения. Дрова, хворост для костров собирали на улицах, во дворах, мусорных кучах и т. д. Все собравшиеся по очереди 3 раза перепрыгивали через огонь (в Хорезме — от 1 до 3 раз), произнося разные причитания, пожелания, обращаясь к Богу и духам предков, прося у них здоровья, счастливой жизни, ниспослания хорошего урожая, удаления злых духов и демонических существ. Это делалось с целью избавления от болезней, несчастий, бедствий и очищения от грехов, накопившихся за год. (В Хорезме считалось, что эти действия производились ради избавления от вредоносной силы Сафара.) Участвовали в этой церемонии старые и молодые женщины, мальчики и девочки. (В Хорезме участвовали парни и девушки.) Детей матери брали под мышки.

В некоторых кивлаках бассейна р. Хингоу во время перепрыгивания через огонь разбивали посуду (как и в Хорезме) или куски каменной соли, чтобы передать этим предметам все грехи, бедствия и несчастья, предотвратить неудачи, предначертанные человеку. Сходны представления горных таджиков и хорезмских узбеков и в том, что бедствия в течение года, 9 тыс. из 12 которых падает на месяц Сафар, посылает Бог. В обоих исследуемых регионах месяц Сафар воспринимается населением как самый несчастливый в году, а его последняя среда — как самый опасный день. Такое мнение среди народа бытует широко, хотя мусульманских канонических свидетельств о вредоносности месяца Сафара нам не известно.

По сведениям М. Р. Рахимова в Горном Таджикистане первые пять дней Сафара назывались «остротой месяца Сафара». В эти дни существовало много запретов, причем в разных местностях, прямо противоположных: в одних селениях полагалось бить посуду, в других — не бить ее во избежание того, чтобы она потом не билась; в эти дни не кроили и не шили новую одежду, не купались, не мыли голову, чтобы злосчастность этих дней не пристала к спшитым одежам и вымытым волосам. Мужчины воздерживались от супружеских отношений, так как родившихся детей может постигнуть несчастье, как и самих родителей. Эти же запреты соблюдались и в середине месяца Сафара. (Подобные опасения наблюдались и в Хорезме.) Родившимся в этом месяце детям давали имена, включающие слово «сафар»: мальчикам — Сафар, Сафарбег, Сафарали, Сафархучи; девочкам — Сафармох, Мосафар, Сафаргул и т. п.

В отдельных селениях по нижнему течению р. Хингоу ночью на последнюю среду на мазарах (могилах святых), на дорогах, на краю селения ставили зажженные лучинки или свечи, чтобы каждый проходящий мог очиститься. Население кивлаков приготавливало лакомые кушанья, устраивало общественную трапезу; коллективное угощение было и у мазаров, оно называлось «*чоршамбеги*». В этом обычае усматриваются элементы празднества. В день последней среды мужчины здесь брили и стригли себе волосы, надевали чистые одежды, женщины мыли голову, заплетали косы и также надевали чистые и новые одежды. К вечеру разжигали костры и каждый трижды перепрыгивал через огонь. Посуду здесь не били, считая, что, наоборот, это вызовет несчастья и бедствия. По сведениям из ряда селений в последнюю среду Сафара, как и в Хорезме, никто не решался выехать в путешествие: считалось, что такой человек будет долго странствовать и не скоро вернется домой.

По рассказам жителей бассейна Хингоу, Каратегина и Дашти-Джумского р-на по Пянджу местное мусульманское духовенство считало этот праздник «обычаем огнепоклонничества» («ин'одати оташпарастист»). Под влиянием такого мнения мужчины постепенно перестали справлять праздник, относясь к его остаткам как к простому развлечению, что чувствуется и в информации из Хорезма. Однако женщины Горного Таджикистана стойко соблюдали древний обычай, не поддаваясь уговорам духовен-

ства. В силу таких обстоятельств духовенство было вынуждено говорить, что этот праздник является исключительно женским — «ин'одати занхост» — и что мужчины не должны в нем участвовать. Вмешательство духовенства не ограничивалось внушением. Бывали случаи, когда в этот день муллы приказывали своим ученикам тушить разведенные огни и препятствовать исполнению церемонии. Такой случай имел место в 1916 или 1917 г. в кишлаке Сафедорон: ученики некоего муллы Розика потушили костер, объясняя свое поведение тем, что этот обряд не предусмотрен шариатом и исполнение его вызывает гнев Бога — «газаби хъдора зиёд мек на». Разгневанные женщины прогнали их камнями и палками. О запрещении празднования последней среды Сафара в Бухаре сообщал и Н. В. Ханыков. Там против соблюдения этого обычая выступало не только духовенство, но и эмир, объявивший запрет на его проведение. В книге Н. В. Ханыкова читаем по этому поводу следующее: «Впрочем нынешний эмир (эмир Насрулла) приказал Раису (блжестителю порядка за выполнением шариатных законов) строго смотреть, чтобы этого (праздника Чоршамбеи сунни) не делали, потому что это несовместимо с мусульманским законом»¹⁴. Несмотря на такое распоряжение, население Бухары отмечало последнюю среду Сафара вплоть до установления советской власти. Впрочем это продолжалось и в последующие времена.

Материалы о сохранении описанного обычая в XX в. известны и в других районах расселения таджиков. По М. Андрееву¹⁵, среди таджикского населения Каратегина и Матчи его называют «чоршамба-1-ох1рун», в Бухаре — «чаршамба-1-ох1рун» или «чоршамба сурух». У ферганских и ходженских таджиков он носит тюркское название «сафар-качты», а у таджиков Нуратинских гор — «сафарчикты». В Касане он также назывался «сафар-качты» и справлялся в последнюю среду полного несчастий месяца Сафара. В старину в этот день по большим улицам раскладывались костры и все жители прыгали через три огня, приговаривая: «Аляс, Аляс!» «избавление от всех несчастий». Над кострами разбивалась глиняная посуда, черепки от которой бросали на землю, как бы перенося на них свои грехи прошедшего года. Как и в Хиве, в этот день преследовали и убивали собак.

Ночь на последнюю среду месяца Сафара была отмечена особыми действиями и в Иране¹⁶. Садек Хедаят в «Нейрангистане» сообщает, что эти действия выполняются либо в последнюю среду Сафара, либо в последнюю среду года по солнечному календарю и называются «Чахаршамбее сури». Причем речь идет именно о последней среде перед Новым годом, когда шииты зажигали костры на крышах своих домов и на земле и прыгали через них. Девушки гадали о суженых; родственники больных собирали по соседям деньги или пищу и кормили страдающих, полагая, что от этих действий больные могут исцелиться; в этот день загадывали желания. Таким образом, мы сталкиваемся с различными сроками соблюдения обычая в Иране. Необходимо отметить, что и в Средней Азии такое явление засвидетельствовано еще Н. Ханыковым, который сообщал, что «...весною празднуют они (бухарцы) один день, называемый странным именем „Чоршамбеи-сунни“, следующим образом: везде зажигают костры, и люди обоих полов, перепрыгнув через них, разбивают какую-нибудь глиняную посуду, этим они думают очиститься от грехов и даже от болезней»¹⁷. В Самарканде же в конце прошлого столетия, по словам М. Рахимова¹⁸, праздник справляли не в последнюю среду, а в последний понедельник перед Новым годом. В эту ночь бухарская половина населения города отправлялась к большому арыку «Оби рахмат» (благодатной воде) и купалась в ней при свете костров, которые заранее были зажжены на пути от города к арыку и по его берегам. Мы видим, что в этом описании появляется мотив с купанием, известный аграрной календарной обрядности весеннего цикла. Есть и сообщения о предновогодней среде, относящиеся к XX в. Уже цитированный нами М. Рахимов во время работы Гармской этнографической экспедиции 1953 г. столкнулся с подобным обычаем в Джиргатале в сельсовете Лахш (по административному делению того времени). Здесь в ночь под Новый год прыгали

через огонь, заложив за уши или приколов на грудь цветы. Перепрыгивая через огонь, участники церемонии произносили: «Халос, халос, ай кулли балохо халос» («Прыгай, прыгай, избавься от всех бедствий»). Н. А. Кисляков¹⁹ зафиксировал этот срок исполнения обычая в Каратегине.

Двойственность в сроках соблюдения обычая литературными источниками отмечалась еще в XVII в. В нашем распоряжении имеются сообщения двух авторов XVII в. Они сходны по содержанию, но относятся к разным датам: один автор говорит о последней среде месяца Сафара, а другой — о последней среде перед Новым годом. Речь идет о персах.

О последней среде мусульманского месяца Сафара венецианский путешественник XVII в. Пьетро делла Валле, посетивший, кроме других восточных стран, и Иран, пишет следующее: последняя среда месяца Сафара арабского и мусульманского лунного года — день, который мусульмане и особенно персы считают несчастным. В этот день они боятся выходить из дома, не принимают гостей, не ходят в гости и все время соблюдают всевозможные предосторожности, считая это время подозрительным и могущим легко причинить большие несчастья. Вообще весь месяц Сафар считается несчастным: обычно в это время не отправляются в путешествия, не предпринимают никаких дел и не воюют. Но самым несчастным из всех дней является последняя среда этого месяца²⁰. Как видим, представления об этом дне у персов совпадают с представлениями, зафиксированными в Хорезме и в Горном Таджикистане.

Секретарь же голыштинского посольства Адам Олеарий, совершивший в 1635—1639 гг. путешествие в Россию и в Иран, сообщает о празднике под знакомым нам по Таджикистану и Ирану названием «Чоршамбеи сур (Сури)». Он относит праздник к 3 марта (очевидно, по старому стилю), т. е. примерно к предновогоднему времени. Это название расшифровывается автором как «печальный четвертый день недели» — последняя среда перед весенним равноденствием, с которого начинается у персов Новый год. Персы считают, что среда самый несчастливый день, о чем им известно по традиции и по собственному опыту, так как в этот день всегда случается что-либо плохое. Поэтому в этот день они оставляют свои занятия, держат лавки закрытыми, не бранятся, воздерживаются от всех уплат из страха, что им придется этим заниматься в течение всего года. Некоторые пересчитывают все деньги, которые имеют; другие, не говоря ни слова, идут к реке, чтобы взять воды для кропления своего дома и утвари с целью предотвратить возможное несчастье. Если на пути они встретят кого-либо из знакомых, то они брызгают водой ему в лицо из пригоршни или же выливают на него целую кружку (это делается только в отношении хороших друзей), потому что верят, что тот, кто хорошо вымок, обязательно будет счастливым весь остаток года. Некоторые молодые люди прогуливаются по улицам или вдоль реки, играя на глиняных барабанах. Другие, взяв в руки большие палки, входят по колено в воду и обрызгивают всех тех, кто приходит за водой, или же окунают их в воду, или же обтирают их лица красом своей намоченной одежды, или же разбивают их кувшины ударом палки. Эти лица напоминают злых вестников, поэтому все, кто может спастись от их рук, считают себя избавленными от многих несчастий в наступающем году. Многие, чтобы избежать встреч с ними, идут за водой до наступления дня. Правда, все описанные забавы совершаются утром, после же полудня люди приступают к своим обычным делам²¹.

Сравнивая сообщения Олеария с рассказом Пьетро делла Валле, мы обнаруживаем подробности о действиях с водой, находящие некоторые точки соприкосновения с самаркандскими обычаями. Авторы XVII в. не описывают праздничного церемониала «последней среды» у персов. Подробнее о нем узнаем у авторов XX в. М. Авранга и С. Хедаята. По их описаниям в «последнюю среду» или ночь на нее перед Новым годом персы выполняли следующие действия: зажигали костры на улицах, во дворах или на крышах домов и прыгали через них, произнося слова: «сурхи туаз ман, зарди ман аз ту» («твоя краснота мне, моя

церемониале праздника, главным образом в отношении к собаке; здесь встретились другие числа исполнения обряда — не обязательно в последнюю среду. Сведения, собранные среди туркмен, особенно показательны в аспекте утраты этим действием каких-то прежних качеств. Они свидетельствуют об усилении в нем идеи очищения от грехов, предупреждения от напастей, что, возможно, говорит о влиянии на этот обычай пока не известной нам традиции, бытующей на территории расселения туркмен и там, где сильно воздействие степной тюркской среды. Обратимся к фактическому материалу.

Обычай жечь ритуальные костры и перепрыгивать через них с целью очищения и предупреждения несчастий у туркмен зафиксирован рядом современных исследователей. Среди них Ш. Аннаклычев, Г. П. Васильева, А. Джикиев, С. М. Демидов. С. М. Демидов, специально занимавшийся вопросом о ритуальных огнях у туркмен, обобщил все имеющиеся сведения, присовокупив к ним и свои полевые материалы⁴². Согласно этим данным, в прошлом обычай бытовал почти у всех туркменских племенных групп, однако сроки его соблюдения были различными: либо в месяц Меред, либо в Сапар, либо в последнюю среду уходящего года. Большинство туркменских групп справляли его в месяц Меред; у одних он приурочивался к 1, у других — к 14 Мереди, есть группы с двойной датировкой (1 и 14 Мереди). В месяц Сапар (в последнюю его среду) ритуальное прыгание через огонь совершалось у иомутов, живущих по Атреку и побережью Каспийского моря, а у гургенских иомутов выполнялось дважды: 1 раз в последнюю среду месяца Сапар, другой — в последнюю среду перед иранским Новым годом — Ноурузом. В последнюю среду оно соблюдалось у алили и эрсари, нохурская же молодежь устраивала прыжки через огонь в Ноуруз.

Различной была и терминология этого обычая. У эрсари, алили и иомутов название его указывает на день, в который он отмечался: «ахыр чаршенбе» (последняя среда), у атрекских иомутов — «гара чаршанбе» (черная среда), а у гургенских — «ахыр чаршенбе». Как видно, это наименование, как и сроки соблюдения, совпадают с тем, что мы встречаем в ирано-таджикской традиции этого обычая. Это, видимо, связано с большей сохранностью элементов древнеиранского субстрата в этногенезе и культуре этих туркменских групп. У других туркменских групп этот обычай известен под названиями: «шаман от», «шам от», «шамар от», «шам шор», «шабазот». Под влиянием замены звуков м-б в тюркских языках изменился термин «шабан от» (огонь в месяц Шабан, который соответствует Мереду) в «шаман оды». Что касается содержательной части обычая, то она свидетельствует о вырождении его у туркмен, несмотря на широту его распространения.

Наиболее раннее сообщение относится к 1922 г. и принадлежит Караш-хан оглы Иомудскому, давшему достаточно полное описание этого явления⁴³. Другие свидетельства, взятые в отдельности, не содержат всей совокупности представлений, характеризующих день очищения, известных по Хорезму и Горному Таджикистану. Однако если совместить данные, собранные в разных местностях, то получится примерно та же картина: ритуальные огни, предназначенные для очищения и защиты людей от грехов и недугов, зажигались 1 раз в году в месяц и дни, считавшиеся в народе самыми несчастливыми. Несчастья этого месяца и дня, по представлениям населения, предопределены Богом, идут с неба, поэтому жертвоприношения предназначались для смягчения их последствий. Поэтому в этом месяце не рекомендовалось отправляться в путь ни в одну из четырех сторон, тем более на восток; начинать торжества по случаю обрезания, вступления в брак и вообще серьезные дела; даже родившиеся в этот месяц считались несчастливymi и т. д. Действо, в котором в годы получения сведений (20—60-е годы XX в.) в основном участвовали женщины и дети (хотя есть информации об участии девушек и юношей, пожилых людей), заключалось в том, что пришедшие прыгали через разожженные костры под какие-то возгласы, разбивали в одних местах старую, в других — новую посуду, на которую якобы переносились грехи и недуги. Дети совместно со взрослыми пускали воздушные змеи с прикрепленной

зажженной паклей, бросали вверх головы. Этот набор действий и представлений зафиксирован не везде, однако мотив очищения преобладал повсеместно.

Обычай ритуального прыгания через огонь у туркмен С. М. Демидов соотнес (и мы с ним согласны) с земледельческими культами и верованиями древнего местного, преимущественно ираноязычного, населения⁴⁴, вошедшего как составная часть в туркменский этнос. О том, что он связан происхождением именно с земледельческой культурой, говорит и факт отсутствия его у киргизского и казахского населения, а также отклонения от ирано-таджикской традиции в северной части Хорезмского оазиса и у большей части туркмен. Широкое распространение его у туркмен и одновременно черты деградации его содержательной части, очевидно, связаны с традициями другой культуры — тюркского компонента туркменского этногенеза.

Местное население, как и в таджикском и узбекском вариантах, связывает этот обычай с огнепоклонничеством у туркмен в прошлом, что отмечено и в работах Г. П. Снесарева и К. Л. Задыхиной относительно узбеков Хорезма. Г. П. Снесарев находит в нем отзвук зороастрийской традиции. А нелюбовь мусульманского духовенства к нему объясняют тем, будто в этот день был тяжело ранен знатный мусульманин и день объявили траурным — черным. Мусульманское духовенство боролось с этим обычаем так же, как и с другими, имеющими доисламское происхождение. Борьба усиливалась по мере укрепления позиций ортодоксального ислама в Российской империи в конце XIX — начале XX в., это привело к сокращению масштаба действия. По материалам С. М. Демидова, если первоначально в этом обряде принимало участие все население аула, как и в Бухаре в XIX в., то в начале XX в. взрослые мужчины, не говоря уже о пожилых, не участвовали, как правило, в ритуальных прыжках; основными участниками их стали дети, подростки и женщины, как и в других районах Средней Азии. В советский период постепенно сокращалось число участников, а сам обряд в значительной степени утратил свой магический смысл, приобретя развлекательный, игровой характер. Итогом явилось почти полное исчезновение обычая.

Примечания

¹ Лобачева Н. П. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986; см. также: *Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обряды*. М., 1987. (В этой работе освещается деятельность Сасанидов в реформировании календаря).

² Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1973. С. 340.

³ Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы. М., 1986.

⁴ Негмати А. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Душанбе, 1989. С. 33, 53, 68 и др.

⁵ Мец А. Указ. раб. С. 334.

⁶ Пещерева Е. М. Праздник тюльпана (дола) в сел. Исфара Кокандского уезда // В. В. Бартольд. Ташкент, 1927; *ее же*. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // Иранский сборник. М., 1963; Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 120—121; Сухарева О. А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX — начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы...

⁷ Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. С. 120; Снесарев Г. П. Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 211 и др.

⁸ См.: Сухарева О. А. Указ. раб.

⁹ Личный архив автора. Полевые материалы 1947 г. Хива, Шаббаз (Бируни), Турткуль и их сельская округа. I этнограф. отряд Хорезм. экспед., вачальник М. В. Сазонова, собиратель Н. П. Лобачева; Полевые материалы 1946 г., Кунградский район Каракалпакии. II этнограф. отряд Хорезм. экспед., вачальник К. Л. Задыхина, собиратель Ю. В. Кнорозов; Полевые материалы 1956 г., Хазарасп. Узбекский этнограф. отряд Хорезм. экспед., начальник Г. П. Снесарев, собиратель Н. П. Лобачева.

¹⁰ См.: Снесарев Г. П. Указ. раб. С. 189—190; Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарья // Тр. Хорезм. археолого-этнограф. экспед. Т. I. М., 1952. С. 412.

¹¹ Устное сообщение Сазоновой М. В.

¹² Снесарев Г. П. Указ. раб. С. 189; Задыхина К. Л. Указ. раб. С. 412.

- ¹³ Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. Сталинабад, 1957; его же. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза до революции // Изв. Отд-ния обществ. наук. АН ТаджССР. 1956. Вып. 10—11.
- ¹⁴ Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 208.
- ¹⁵ Андреев М. Поездка летом 1928 г. в Касанский район // Изв. о-ва Таджикистана. Т. I. Ташкент, 1928.
- ¹⁶ Хедаят С. Нейрангистан // Переднеазиатский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1958. Т. XXXIX. С. 314—315, 334.
- ¹⁷ Ханьков Н. В. Указ. раб. С. 208.
- ¹⁸ Рахимов М. Р. Земледелие ... С. 206.
- ¹⁹ Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Душанбе, 1954. С. 75.
- ²⁰ Цит. по: Кисляков Н. А. Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в. // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973. С. 190—192.
- ²¹ Цит. по: Кисляков Н. А. Некоторые иранские поверья... С. 191—192.
- ²² Хедаят С. Указ. раб. С. 314—315; Авранг М. Джашихае Иране бастан. Тегеран, 1335 (1957). С. 109—111.
- 116.
- ²³ Наршахи М. История Бухары. Ташкент, 1897. С. 32—33.
- ²⁴ Рахимов М. Р. Указ. раб. С. 206.
- ²⁵ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963.
- ²⁶ Рахимов М. Р. Земледелие... С. 205—207.
- ²⁷ Кисляков Н. А. Некоторые иранские поверья... // Мифология. С. 36.
- ²⁸ Бируни А. Избр. произв. Т. I. Ташкент, 1957. С. 245—251.
- ²⁹ См.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 712; Иванова Ю. В. Следы солярного культа // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 105—130; ее же. Обрядовый огонь // Там же.
- ³⁰ Фрэзер Дж. Указ. раб. С. 711.
- ³¹ Хедаят С. Указ. раб. С. 312 и др.
- ³² Бертельс Е. Э. Праздник Джаши Сада в таджикской поэзии // Тр. АН ТаджССР. Т. XVII. 1953; Хедаят С. Указ. раб. С. 312—313; Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956. С. 95—96.
- ³³ Бируни А. Указ. раб. С. 242—243.
- ³⁴ Там же. С. 233.
- ³⁵ Там же. С. 256—257.
- ³⁶ Там же. С. 257.
- ³⁷ Там же. С. 238.
- ³⁸ Там же. С. 232, 246.
- ³⁹ См.: Бойс М. Указ. раб. С. 44—45; Лобачева Н. П. К истории календарных обрядов... С. 11 и др.
- ⁴⁰ Бойс М. Указ. раб. С. 44—45.
- ⁴¹ Бируни А. Указ. раб. С. 325.
- ⁴² Демидов С. М. О верованиях и обычаях туркмен, связанных с огнем // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965.
- ⁴³ Караш-хан оглы Иомудский. Очерки туркменского быта // Туркменоведение. 1928. № 9.
- ⁴⁴ Демидов С. М. Указ. раб. С. 190.

Fires of Saphar in Khorezm (Forgotten Festivals)

Data, going back to the 1940s, on the custom of burning ritual fires and jumping over them on the last Wednesday of the Moslem month of Saphar, are published. Among the Khorezm Uzbeks the custom was considered to be purifying and guarding against misfortune. The author argues that this custom, known among other peoples of the region (and Europe) as well, is a remnant of a late winter fire festivals of the agricultural population of the Central Asia and Iran. In the course of Islamization, this ritual lost both its permanent place in the agrarian calendar and the very status of a holiday, as well as some of its contents.

N. P. Lobachova